
П.С. Стефанович

АНАЛОГИЯ ЛЕТОПИСНОМУ «ПРИЗВАНИЮ ВАРЯГОВ» В ЖИТИИ СВ. АНСГАРА

Автор статьи обращает внимание на рассказ «Жития св. Ансгара» о военном походе свеев (шведов) на куршей, состоявшемся в 854 г. Житие написал ученик Ансгара Римберт до 876 г. Его сведения, подтверждаемые археологическими данными, достоверны. В описании похода указывается, что свеи разграбили один город куршей (скорее всего, Гробиню) и долго осаждали другой – Апуоле. Осада закончилась переговорами и признанием куршами власти свеев. Курши согласились на одноразовую контрибуцию и на выплату постоянной дани в будущем. По мнению автора статьи, эти события могут служить историческим фоном событий, описанных в древнерусском рассказе о «призвании варягов», который тоже повествует о взаимодействии пришлых скандинавов с местными народностями («племенами») в середине IX в. Рассказ сохранился в древнерусских летописях не в первоначальном виде, и автор следует его реконструкции в рамках текстологических построений А.А. Шахматова. Автор отмечает, что, как и в Житии, в летописи главным выражением господства служило право взимания дани на постоянной основе. Как и в Житии, в летописи говорилось, что население соглашалось на выплату дани ради «мира», и автор подчеркивает важность этого понятия в архаических представлениях о власти и справедливости. Даннические отношения осмыслялись и представлялись самими участниками событий как договорные. Вместе с тем, согласно рассказу Жития, установление власти свеев над куршами стало результатом силового воздействия, и это ставит под сомнение идиллический рассказ летописи о добровольном «призвании» варягов автохтонными народностями. Житие, написанное в IX в., предлагает гораздо более правдоподобную картину подчинения местного населения скандинавам, чем легендарный летописный рассказ, написанный не ранее начала XI в. В целом, автор пишет и об аналогичной исторической ситуации, описанной в «Житии Ансгара» и летописном рассказе (проникновение скандинавов в циркумбалтийское пространство), и об аналогиях в самих описаниях этой ситуации в житии и летописи (одна модель легитимизации отношений скандинавов и автохтонных жителей при помощи понятия «мир»).

Ключевые слова: Призвание варягов, «Житие св. Ансгара», раннее государство, дань, понятие мира

Александр Васильевич Назаренко много занимался изучением зарубежных источников по древнейшей истории руси (IX–X вв.) в самых разных аспектах. В настоящей статье я хотел бы привлечь внимание также к тексту иностранного происхождения, информацию которого можно рассматривать как некоторую аналогию или параллель рассказу о призвании варягов, открывающему летописное повествование о руси.

Знаменитое «Сказание о призвании варягов» дошло до нас в разных вариантах в древнерусских летописях, прежде всего, тех, которые содержат «Повесть временных лет», а также в Новгородской 1-й летописи младшего извода. Текстологические исследования, начатые А.А. Шахматовым и продолженные его школой, показали, что ни в одной из летописей Сказание не сохранилось в первоначальном виде. На мой взгляд, вариант, наиболее близкий первоначальному, представлен в Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл. – Стефанович 2012). Здесь в статье 6362 (854) г. мы видим связный рассказ, повествующий о призвании Рюрика и его братьев в Новгород, а затем установлении власти его сына Игоря в Киеве (НПЛ. С. 106–107). Этот рассказ, который в ПВЛ оказался разбит между разными годовыми статьями, я условно назвал *Origo gentis russorum*, поскольку он обнаруживает явное сходство с повестями о происхождении разных народов Европы, бытовавшими в средневековой письменности и выделяемыми обычно в специфический жанр *origo gentis*.

В науке давно ведутся споры не только об истории текста Сказания (и связанных с ним летописных фрагментов), но и его исторической достоверности. Безусловно, оно отразило главнейший исторический процесс эпохи становления государства на Руси – контакты скандинавов и автохтонных «племен»-народностей, из объединения которых выросла одна полития. Вместе с тем, сам сюжет «призвания» и ряд конкретных сообщений и деталей внушают учёным разного рода сомнения. Эти сомнения вызваны или подкрепляются во многом тем, что и сюжет, и детали летописного рассказа находят разные аналогии в исторических повествованиях и легендах, известных в литературных традициях других стран и народов античности и средневековья, и ученые часто объясняют их как ходячие топосы.

Как бы ни оценивать эти аналогии, факт состоит в том, что их найдено и зафиксировано в научной литературе уже много. Однако исследователи рассматривали рассказ о призвании варягов, в основном, по тому варианту его текста, который донесли списки ПВЛ, и не учитывали вариант, представленный в Н1мл. Как выясняется, если смотреть на этот рассказ с учетом варианта Н1мл., в частности, имея в виду и ту реконструкцию *Origo gentis russorum*, которую я предлагаю, список аналогий и параллелей летописному тексту может быть пополнен.

В данном случае речь идет об одном эпизоде из «Жития св. Ансгара» (Ансгария) – памятника, который давно известен исследователям средневековой Северной и Восточной Европы, хотя на русский язык был переведен относительно недавно. Архиепископ Гамбурга и Бремена Ансгар прославился как просветитель Северной Европы. Расцвет его миссионерской деятельности пришелся на середину IX в., и особенно важна была его проповедь христианства в Швеции, где он неоднократно бывал. В 865 г. он умер, а уже вскоре (не позднее 876 г.), его ученик и последователь Римберт, хорошо знавший и Ансгара, и его окружение, написал Житие с описанием его подвигов и чудес. В целом, Житие признаётся достоверным источником, хотя надо считаться и с некоторыми неточностями, и литературной топикой (главным образом, агиографической), и миссионерской идеологией. В Житии сообщаются уникальные данные по истории Северной Европы, в частности, скандинавских и прибалтийских народов.

В главе 30 Жития в связи с посещением Бирки Ансгаром, вроде бы склонившем к христианству тамошнего короля Олава, рассказывается о том, как даны (датчане) и свеи (шведы) боролись за господство над куршами (курами/куронами). В начале главы говорится о неудачном нападении данов на куршей – даны были разбиты, а их добычу захватили курши. Потом рассказывается о том, как на куршей решили напасть свеи, и поход этот состоялся вскоре после посещения последних Ансгаром. Свеи напали сначала на прибрежный город, который Римберт называет Зеебург (Seeburg), а затем осадили город, названный Апулией (Apulia). Вот этот эпизод, который по хронологии событий, описанных в Житии, надо относить к 854 г., может быть интересен из древнерусской перспективы.

Так выглядит рассказ Жития в русском переводе В.В. Рыбакова (ключевой и важнейший момент осады и переговоров передаю также в латинском оригинале) (Швеция и шведы в средневековых источниках 2007. С. 64–66; Vita Anskarii 1884. P. 60–63):

«...Услыхав об этом (о поражении данов. – *П.С.*), вышеупомянутый король Олав и народ шведов, желая стяжать себе имя тех, кому удалось совершить то, чего не сделали датчане, тем более что раньше куры подчинялись им, собрали бесчисленное войско и явились в тамошние края. И сначала они неожиданно подошли к одному городу их государства, называемому Сеебург, в котором находилось семь тысяч воинов, и, совершенно опустошив и разграбив, подожгли его. Оттуда, ободренные духом, оставив корабли, они за пять дней с свирепыми сердцами поспешно прибыли к другому их городу, который звался Апулия. Было же в этом городе пятнадцать тысяч бойцов. Итак, когда они подошли туда, жители затво-

рились в городе. Они стали осаждать город снаружи, те – мужественно отбиваться изнутри; одни защищались из города, другие напирали извне. Так прошло восемь дней, и всякий день с утра до вечера усердствовали враги в битве, и многие с обеих сторон пали, однако ни те, ни другие не добились победы. И вот, на девятый день народ шведов, утомленный столь долгой борьбой, начал изнемогать и с испугом и дрожью в сердце помышлять лишь о том, как бежать оттуда. “Здесь нам нет удачи, – говорили они, – а корабли наши далеко”. Ибо, как мы говорили выше, путь до гавани, в которой стояли их корабли, составлял пять дней. И когда они, приведенные в чрезвычайное замешательство, совершенно не знали, что им делать, было решено выяснить посредством жребия, желают ли их боги им помочь, дабы они либо победили, либо ушли оттуда живыми. И вот, бросив жребии, они не смогли обнаружить никого из богов, кто бы хотел оказать им помощь. Когда об это было объявлено в народе, в лагере раздались громкие стоны и вопли, и оставило их всякое мужество. Они говорили: “Что делать нам, несчастным? Боги отвернулись от нас, и никто из них не помощник нам. Куда убежим мы? Вот, корабли наши далеко и когда мы будем бежать, враги, преследуя нас, совершенно нас истребят. Какая будет у нас надежда?”

И когда они оказались в таком тяжелом положении, какие-то купцы, помнившие поучения и наставления господина епископа (Ансгара. – *П.С.*) стали советовать им, говоря: “Бог христиан очень часто помогает зывающим к Нему, Он – могущественнейший в подмоге. Узнаем же, желает ли Он быть с нами, и добровольно обещаем Ему угодные Ему обеты”. Итак, по всеобщей смиренной просьбе бросили жребий, и обнаружилось, что Христу угодно им помочь. После того как это было объявлено во всеуслышание, все сердца вдруг укрепились, так что они бесстрашно возжелали немедленно пойти на приступ города, говоря: “Чего нам теперь опасаться и чего бояться? С нами Христос. Так будем биться и мужественно бороться, и ничто не сможет нам противостоять; не уйдет от нас эта победа, ибо нам помощником могущественнейший из богов”».

Все они, собравшись вместе, с радостным и укрепленным духом приступили к приступу города. Когда же они окружили его и хотели вступить в битву, те, кто находился внутри, попросили, чтобы им дали возможность вступить в переговоры. Когда король шведов согласился на это, они сказали: “Мир уже угоден нам больше, чем война, и мы желаем заключить с вами договор. Прежде всего, мы даем вам в залог мира все то золото и оружие, которые мы взяли в прошлом году в качестве добычи у датчан. Затем, за каждого человека, находящегося в городе, мы даем полфунта серебра, а сверх того выплачиваем вам дань, какую платили раньше, даем заложников и желаем отныне, как и прежде, подчиняться вам и покорно пребывать под вашей властью”. Итак, после этого предложения души молодых людей не могли сразу успокоиться, но сделались еще более возбужденными, и они, неустрашимые, жаждали одного – биться, говоря, что силой оружия захватят город и все, что там есть, а жителей уведут пленниками. Но король и знатнейшие, последовав более здравому совету, приняли их условия, заключили договор и, взяв бесчисленные богатства и тридцать заложников, с весельем возвратились к себе домой. После того как между ними был заключен мир, шведы сразу же стали всеми силами восхвалять всемогущество Господа нашего Христа и величие Его, провозглашая, что Он истинно великий над всеми богами. Они стали с рвением выяснять, каким обетом угодить Тому, благодаря Кому они одержали столь значительную победу...» [далее говорится о том, как шведы стали ревностно исповедовать христианство].

Conglobati ergo omnes, laeto et forti animo ad debellandam profecti sunt urbem. Cumque in circuitu astantes pugnam inire vellent, ab his qui intrinsecus erant postulatam est, ut copia eis daretur loquendi. Quod cum rex Sueonum annuisset, illi subsecuti sunt: “Nobis iam pax magis quam pugna placet, et foedus vobiscum inire cupimus. Et primo quidem quicquid ex spoliis Danorum praeterito anno in auro et armis adquisivimus, vobis pro munere foederis damus. Deinde pro unoquoque hominum in hac urbe constitutorum dimidiam libram argenti offerimus, et insuper census, quem antea solebamus, vobis persolvimus, et datis obsidibus, abhinc subiecti et obaudientes, sicuti antea fuimus, vestro imperio esse volumus”. Cum haec itaque oblata fuerint, necdum tamen animi iuvenum sedari poterant, verum alacriores facti et absque metu imperterriti pugnare tantum desiderantes, armis se urbem et omnia quae haberent vastaturos ipsosque captives abducturos dicebant. Rex vero et principes saniori consilio dextras ab eis accipientes, foedus inierunt, et thesauris innumerabilibus atque obsidibus 30 sibi collatis, cum gaudio ad sua reversi sunt. Denique pace inter eos foederata, statim Sueones Christi domini nostri omnipotentiam collaudantes eiusque magnificentiam viribus totis, quod vere magnus super omnes deos esset, praedicantes, quid ipsi, per quem tantam obtinuissent victoriam, vovere deberent, sollicitè quaerere coeperunt.

Как показали специальные исследования, главные события, описанные в 30-й главе Жития, вполне достоверны. Конечно, могут быть ошибки или преувеличения (например, фантастические цифры количества воинов в городах куршей), а также необязательно верить уверениям автора об обращении свеев к христианству. Но рассказ о самом походе свеев и расстановка сил в конфликте отражают реальность.

Оба города, упомянутых Римбертом, существовали в IX в. Вероятнее всего, под Зеебургом он имел в виду Гробиню (Гробин) – относительно крупный городской центр в южной части балтийского побережья современной Латвии. Как показали археологические раскопки, расцвет поселения в Гробине пришелся на VIII в., но и в IX в. тут продолжалась жизнь, причем с заметным скандинавским присутствием. Б. Нерман, проводивший раскопки в 1929–1930 гг., считал Гробиню торговой колонией готландцев. Сегодня именно о торговле и о связи именно с Готландом говорят более сдержанно, но шведское влияние не подвергается сомнению (Jansson 2021. Р. 331–333). Раскопки показали, что город подвергся разорению в середине IX в., и вполне вероятной выглядит догадка Б. Нермана, что об этом и рассказал Римберт. Под латинизированным названием *Arulia* скрывается несомненно Апуоле – крупный укрепленный центр куршей, расположенный примерно в 40 км от Гробини на юго-восток (сегодня на севере Литвы). Раскопки вскрыли и там немало скандинавских артефактов.

Развитие обоих городских центров свидетельствует об активном функционировании торговых путей в восточно-прибалтийском регионе и экспансии скандинавов во внутренние континентальные районы в IX в. (Mägi 2018. Р. 242–252). А эта ситуация во многом соответствует историческому фону древнерусского летописного рассказа о призвании варягов. Те же самые процессы протекали в ту же эпоху в районах около Ладожского озера и Волхова, прилегавших к важному торговому пути из Балтийского моря на восточноевропейские пространства и далее в Каспийское и Чёрное моря (Коновалова, Мельникова 2018. С. 20–75). В IX в. на этом пути активно развивались городские укрепленные поселения в Ладоге и на том месте, которое сегодня известно как Рюриково городище. Скандинавское присутствие археологически зафиксировано и в том, и в другом городе. Ладожский городской центр составляет прямую аналогию Гробине применительно к эпохе VIII–IX вв. (хотя позже судьбы этих городов сложились совсем по-разному).

Археология мало что может сказать о тех институциональных и социально-правовых формах и механизмах, в которых происходило взаимодействие автохтонного и пришлого населения и возникновение ранних политий в прибалтийских регионах. Но письменные источники

однозначно свидетельствуют, что главным мотором этно- и политогенеза были даннические отношения. По крайней мере, и рассказ Римберта, и летописный рассказ говорят именно об этом: речь идет о стремлении к господству и борьбе за него, и оно выражается, прежде всего, в праве сбора дани с определенных общностей в пользу определенных лиц.

В «Житии св. Ансгара» описано, как скандинавы (даны и свеи) пытались подчинить куршей или отдельные центры в области их проживания. Господство устанавливалось военным путем. Оно могло привести к разграблению города (Гробиня) или мирному соглашению (Апуоле), но в любом случае итогом предполагалось учреждение постоянных выплат в виде дани (обозначенной в Житии как *censum*) со стороны побежденных. То же самое мы видим и в летописном рассказе: начинается этот рассказ с упоминания о дани, которую должны были платить местные общности (славянские и финские) варягам, творящим «насилие». Заканчивается древнерусское *origo gentis*, если опираться в его реконструкции на Н1мл., сообщением, что князь Игорь «нача грады ставити и дани устави» населению, признававшему его власть.

Помимо дани могли быть и другие выплаты. В Житии упоминается, что жители Апуоле дали свеям за снятие осады и прекращение военных действий ценности, которые они захватили у данов, а также «за каждого человека, находящегося в городе», полфунта серебра (*dimidiam libram argenti*). В древнерусской летописи этой выплате соответствует «окуп» (контрибуция), который взымали победители с побежденных. Например, в рассказе о взятии Киева в 980 г. сказано, что варяги требовали «окуп» по две гривны «от человека» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78). Если полагать, что имелась в виду счётная гривна в 20 дирхемов (Назаренко 2001. С. 147), то эта сумма оказывается существенно меньше контрибуции, указанной в «Житии св. Ансгара»: 2 гривны – это около 100–120 г чистого серебра, полфунта – около 200 г.

К сожалению, в Житии ничего не сказано о виде и размерах постоянной дани, к которой обязывались курши, и сказано лишь, что платить будут «дань, какую платили раньше». Согласно *Origo gentis russorum* норма дани, которую собирали варяги до прихода Рюрика с братьями, составляла «от мужа по белеи веверице». Надо думать, и там, и там имелась в виду постоянная дань по определенным ставкам. Именно из такой дани вырастали позднейшие налоги, бывшие частью государственной системы.

Представляется весьма характерной та риторика, которой в «Житии св. Ансгара» обставляется заключение соглашения между свеями и куршами. Ключевыми словами в речах куршей, которые вступают в переговоры, являются два – мир (*pax*) и договор (*foedus*). «Мир уже угоден нам

больше, чем война, и мы желаем заключить с вами договор», – начинают речь представители куршей, а затем сообщают, что готовы на выплаты «в залог мира» (*pro munere foederis*). Эти же два слова потом употребляет агиограф, повествуя об окончании военного предприятия и отходе свеев от Апуоле. «Мир» выступает и целью, к которой стремятся обе стороны, и неким идеалом, ради которого одни готовы признать власть (*imperio*) других.

В древнерусской летописи тоже фигурирует понятие мира. Прежде всего, оно присутствует в рассказе о том, как Игорь и Олег захватили Киев, устранив Аскольда и Дира. В ПВЛ этот рассказ отделён от рассказа о «призвании варягов» в Новгород, но согласно моей реконструкции первоначального *Origo gentis russorum* оба эти рассказа составляли одно нарративное целое, – так текст и выглядит в статье 6362 (854) Н1мл., отразившей летописный свод, более ранний по сравнению с ПВЛ («Начальный свод», как назвал его А.А. Шахматов). В реконструируемом *Origo gentis russorum* упоминание мира занимает важное место – речь шла об установлении власти киевского князя над разнородным населением на территории от Новгорода до Киева. Первоначальный текст соответствующего фрагмента *Origo gentis russorum*, на мой взгляд, должен был выглядеть так: «сеи же Игорь нача грады ставити и дани устави словеномъ и варягомъ даяти, а от Новагорода 300 гривень на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дають» (Стефанович 2011. С. 28).

Упоминание мира, который гарантируется выплатой дани, составляет прямую аналогию речи куршей, как она передана в «Житии св. Ансгара». Более того, оба эти свидетельства (из Жития и из летописи) можно поставить в ряд с другими упоминаниями тех или иных выплат ради мира – чешского налога, известного в документах XII–XIII вв. как *tributum pacis*, а также дани с Готланда в Швецию ради «мира», упомянутой в «Гутасаге» (Стефанович 2013). Во всех случаях это – выплаты с населения, сохраняющего автономию, но признавшего господство некоей внешней власти. Именно понятие мира (широкое по смыслу, отсылавшее не только к покою, но и к безопасности, и справедливости) легитимизировало отношения господства-подчинения. По крайней мере, в глазах той власти, которая осуществляла это господство (а надо учитывать, что во всех случаях мы имеем дело с нарративами, которые создавались уже тогда, когда господство устоялось, в интересах соответствующих властей).

Таким образом, приходится говорить не только об аналогичной исторической ситуации, описанной в «Житии св. Ансгара» и летописном рассказе, но и об аналогиях в самих описаниях этой ситуации. Иными словами, речь идет, с одной стороны, об отражении в обоих текстах одних и тех же фактов и процессов, связанных с проникновением скандинавов

в среду автохтонных «племенных» общностей в «циркумбалтийском пространстве». Это проникновение сопровождалось установлением и развитием даннических отношений, которые могли служить основой дальнейшего политогенеза. С другой стороны, в описании возникавших конфликтов авторы обоих текстов прибегли к одной модели оправдания (легитимизации) этих отношений при помощи понятия «мир». Поскольку авторы работали совершенно независимо друг от друга, а кроме того, поскольку понятие мира фигурировало и в других раннесредневековых текстах, надо полагать, что эта модель была привычной и распространенной в раннее средневековье, отражая ментальные и идейные установки соответствующей среды – т.е. того самого населения, которое вступало в даннические отношения с пришлыми скандинавами. Следовательно, использование этой модели тоже отражало реальность – только не факты социально-политического характера, а некие представления, в рамках которых современники осмыслили эти факты.

В свете последнего вывода надо подчеркнуть, что авторы Жития и летописного рассказа развивали совершенно разные дискурсы и конструировали разные нарративы. Римберту вся история с покорением куршей служила доказательством успеха миссии Ансгара. Он стремился показать, что обращение к Христу помогло свеям в завоевании куршей – язычников, которых он воспринимал как диких варваров. В конечном счете, его интересовало распространение христианства в Северной Европе. Совсем иные цели преследовал автор *Origo gentis russorum*. Ему надо было показать происхождение руси и легитимизировать власть потомков Рюрика над ней. Народности, призвавшие Рюрика и его братьев, тоже выставались в каком-то смысле варварскими – но имелось в виду не их язычество, а неспособность к поддержанию политического порядка («земля наша велика и обильна, а наряда у нас нету»). Тем показательнее, что в текстах, совсем разных по замыслу и стратегии, проявляется одна и та же модель осмысления отношений господства-подчинения – значит, ее использование было обусловлено не логикой нарратива, а самой реальностью, которую эти нарративы описывали.

А.В. Назаренко всегда ратовал за компаративные исследования. Сопоставление «Жития св. Ансгара» и древнерусской летописи показывает, что возможности этого подхода не исчерпаны даже там, где, казалось бы, «всё давно изучено». Сравнение позволяет не только раскрыть нарративные стратегии авторов, но и оценить отраженные в текстах реалии в историческом контексте. В смысле отражения реальности «Житие св. Ансгара» выглядит более достоверно, чем летописный рассказ – и потому, что оно было создано вскоре после описываемых событий, а не много спустя, как летописный рассказ (созданный точно не ранее начала

XI в., а может быть, и позже), и потому, что Римберт писал как сторонний наблюдатель (по отношению к борьбе свеев и куршей), а древнерусский летописец писал о своей собственной истории, будучи заинтересован в легитимизации власти потомков Рюрика. Описание военного похода свеев против куршей ставит под большое сомнение добровольность «призвания», на которой настаивал летописец. Разумеется, в конечном итоге конфликты вели к установлению мира, и в этом смысле сравнение Жития и летописи подтверждает исходные интенции современных исследователей, делающих акцент на договорных отношениях в установлении господства (Мельникова, Петрухин 1990). Вместе с тем, актуальной научной задачей представляется поиск адекватных исторических рамок и контекста этих отношений (архаичных и, в общем, довольно примитивных), и «Житие св. Ангара» предлагает в этом смысле показательную и поучительную аналогию рассказу о призвании варягов, рисуя гораздо более правдоподобную картину подчинения местного населения скандинавам, чем та, что была предложена в летописной легенде.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Коновалова И.Г., Мельникова Е.А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М., 2018. [*Konovalova I.G., Melnikova E.A. Drevnyaya Rus' v sisteme evraziiskikh kommunikatsii IX–X vekov (Early Rus' in the System of the Eurasian Communications). Moscow, 2018.*]
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229. [*Melnikova E.A., Petrukhin V.Ya. «Ryad» legendy o prizvanii varyagov v kontekste rannesrednvekovoi diplomatii (The Ryad of the Legend of the Calling-in of the Varangians in the Context of the Early Medieval Diplomacy) // Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1990 god. Moscow, 1991. S. 219–229.*]
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. [*Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vekov (Early Rus' on the International Crossroads. Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, Political Relations of the 9th–12th Centuries). Moscow, 2001.*]
- Стефанович П.С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. 2011. № 12 (22). С. 5–35. [*Stefanovich P.S. Zagadochnoe Izvestie letopisi: drevneishaya dan' iz Novgoroda v Kiev (An Enigmatic Chronicle's Entry: the Earliest Tribute from Novgorod to Kiev) // Novgorodskii Istoricheskii Sbornik. 2011. N 12 (22). S. 5–35.*]

- Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // ДГ. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–583. [Stefanovich P.S. «Skazaniye o prizvanii varyagov» ili *Origo gentis russorum?* (The ‘Tale of Calling-in of Varangians’ or *Origo Gentis Russorum?*) // *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy*. 2010 god: Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Moscow, 2012. S. 514–583.]
- Стефанович П.С. Дань «мира деля» – что это значит? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 127–128. [Stefanovich P.S. Dan’ «mira delya» – shto eto znachit? (The Tribute ‘for the Sake of Peace’ – What Does It Mean?) // *Drevnyaya Rus’*: Voprosy medievistiki. 2013. N 3 (53). S. 127–128.]
- Швеция и шведы в средневековых источниках / Перев., предисл., коммент. А.Д. Щеглова, В.В. Рыбакова, А.Ю. Кузиной. М., 2007. [Shvetsiya i shvedy v srednevekovykh istochnikakh (Sweden and the Swedes in the Medieval Sources) / Perv., predisl., komment. A.D. Shcheglova, V.V. Rybakova, A.Yu. Kuzinoj. Moscow, 2007.]
- Jansson I. Gotland viewed from the Swedish mainland // Viking-Age Trade: Silver, Slaves and Gotland / Ed. J. Gruszczynski, M. Jankowiak and J. Shepard. L.; N.Y., 2021. P. 315–357.
- Mägi M. In Austrvegr. The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea. Leiden; Boston, 2018.
- Vita Anskarii auctore Rimberto. Accedit Vita Rimberti / Rec. G. Waitz. Hannover, 1884. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis recusi).

Petr S. Stefanovich

AN ANALOGY TO THE CHRONICLE’S ‘CALLING-IN OF THE VARANGIANS’ IN THE *LIFE OF ST ANSGAR*

The author of the article draws attention to the story in the *Life of St Ansgar* about the military campaign of the Swedes against the Curonians, which took place in 854. The Life was written by Ansgar’s pupil and successor Rimbert before 876. His information, confirmed by archaeological data, is reliable. The description of the campaign indicates that the Swedes plundered a Curonian city (most likely Grobinya) and besieged another one, Apuole, for a long time. The siege ended with negotiations and recognition of the Swedish dominance by the Curonians. They agreed to the payment of a one-time indemnity and a permanent tribute in the future. The author of the article suggests these events can serve as a historical background for the events described in the ancient Rus’ian story about the ‘calling-in of the Varangians’ which also tells about the interaction of alien Scandinavians with local peoples (‘tribes’) in

the middle of the 9th century. The story is not preserved in ancient Rus'ian chronicles in its original form, and the author follows its reconstruction according to the textual investigations of A.A. Shakhmatov. The author emphasizes that in the chronicle, just like in the *Life*, the main expression of dominance was the right to collect tribute on an ongoing basis.

Like in the *Life*, the chronicle stated that the population agreed to pay tribute for the sake of 'peace' and the author stresses the importance of this concept in archaic perceptions of power and justice. Tributary relations were interpreted and presented by the participants of the events themselves as contractual. At the same time, according to the story of the *Life*, the establishment of the power of the Swedes over the Curonians was the result of the usage of force, and this casts doubt on the idyllic story of the chronicle about the voluntary 'calling-in' of the Varangians by autochthonous peoples. The *Life* written in the 9th century offers a much more plausible picture of the subjugation of the local population to the Scandinavians than the legendary chronicle story, written no earlier than the beginning of the 11th century. On the whole, the author writes about a similar historical situation described in the *Life of Ansgar* and the chronicle story (the penetration of the Scandinavians into the Circum-Baltic space), and about analogies in the descriptions of this situation in the *life* and *chronicle* (one model of legitimization of relations between the Scandinavians and autochthonous residents using the concept of "peace").

Keywords: The Calling-in of the Varangians, the *Life of St Ansgar*, early state, tribute, concept of peace

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-208-219